

Дао У, подняв голову, выпил полную чашу вина:

— Сказал, так сказал. У меня память хорошая.

— Чёрт! — Сыкун, который только что закончил лечить свои раны, услышал это и, закатив глаза, с пренебрежением произнёс:

— У тебя память хорошая? Ты просто самый бессердечный и бесчувственный человек на свете!

Семь лет детства, проведённых вместе, и он всё забыл? Разве это не бессердечие?

Дао У проигнорировал его обвинение, словно это действительно было ему крайне неприятно.

Лу Сяофэн успокаивающе похлопал Сыкуна по плечу — ничего, позже он пожалеет об этом.

— Разве Книга Жизни и Смерти как-то связана с амнистией по всей стране? — Хуа Маньлоу знал, что Дао У не стал бы упоминать это без причины, и император специально приказал сообщить об этом Лу Сяофэну. Очевидно, они что-то знали.

— Императорская амнистия по всей стране обычно проводится для стабилизации народного доверия и власти. С древних времён мудрые правители редко объявляли амнистию, а те, кто чувствовал себя неуверенно на троне, часто прибегали к этому. Хотя наш император молод, в последние десять лет политическая обстановка была стабильной, народ жил в мире и спокойствии. Почему вдруг он решил объявить амнистию?.. — Сыкун, привыкший к своим страданиям, сел рядом с Хуа Маньлоу и продолжал поглядывать на орехи в его тарелке, которые уже уменьшились наполовину. При этом он не переставал бормотать.

Но как только он закончил, в комнате воцарилась тишина. Чэнь Сю опустил голову, делая вид, что ищет что-то съестное, и притворился, что ничего не слышал. Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу лишь слегка улыбались, не говоря ни слова. Слова Сыкуна были безупречны, но они бы так не сказали. Этот проказник был мастером воровства, но в жизни был крайне неосмотрителен, выпаливая всё, что приходило в голову.

На лице Дао У не дрогнул ни один мускул, но он незаметно наступил на ножку стула под Сыкуном Чжайсином, который сидел напротив, не ожидая подвоха. Стул с треском сломался, и Сыкун с криком грохнулся на пол.

— В следующий раз, если будешь болтать лишнее, я порву тебе рот, — прозвучало вслед за его криком, словно подливая масла в огонь.

Сыкун Чжайсин, потирая задницу, поднялся с пола. Вместо того чтобы рассердиться, он, ухмыляясь, продолжал тереть больное место и подмигнул своему обидчику:

— Что? Боишься, что император узнает? Если переживаешь за меня, так и скажи, никто не станет смеяться...

Дао У просто отвернулся и посмотрел на Лу Сяофэна:

— Вы ведь собирались во дворец? Поговорим по дороге.

Лу Сяофэн махнул рукой, отказываясь:

— Нет, указ императора ещё не вышел. Пусть я пока побываю в покое. Когда будет нужно, тогда и пойду.

— Когда ты стал так лениться? — недовольно спросил Дао У.

— Я ленюсь? — Лу Сяофэн был и раздражён, и смешон. — У тебя ведь хорошая память, ты должен помнить, что император никогда не платил мне жалованья. О какой лени может идти речь?

Дао У сам себя подставил, а Сыкун хлопал в ладоши, радуясь этому.

— Если я не ошибаюсь... — Сегодня все, кажется, сошлись на памяти. Хуа Маньлоу, начав говорить, понял, что его слова звучат неуместно. Сыкун уже смеялся, катаясь по полу, а лицо Дао У стало чёрным, как у Бао-гуна.

— Что ты хотел сказать? — Лу Сяофэн не обращал на них внимания. Для него слова Хуа Маньлоу были золотыми. Он подсел ближе, подперев подбородок, и стал ждать продолжения.

— В тюрьме Управы Шуньтянь есть заключённый по имени Цю Нинфу, уроженец области Лэань, — продолжил Хуа Маньлоу.

— Уроженец области Лэань? — Лу Сяофэн почесал подбородок. Видимо, это связано с князем Хань. Неудивительно, что император так нервничает.

— Откуда ты это знаешь? — Дао У с подозрением посмотрел на Хуа Маньлоу. Цю Нинфу был человеком, оставленным князем Хань Чжу Сюем в Пекине, когда того принудительно отправили в удел. После того как его раскрыли, император по надуманной причине бросил его в тюрьму, где он и находится до сих пор.

— Что ты делаешь?! — Хуа Маньлоу ещё не успел ответить, как Лу Сяофэн уже возмутился. — Что это за отношение? Я даже не смею на него косо посмотреть, а ты позволяешь себе кричать на моего человека?

Дао У не знал об их отношениях, и такой резкий выпад застал его врасплох. Шея Хуа Маньлоу слегка покраснела, но высокий воротник скрыл эту лёгкую неловкость. Он слегка кашлянул и объяснил:

— Старший брат и господин Хун как-то обсуждали это дома, я случайно услышал.

Чэнь Сю тоже вступился за Хуа Маньлоу:

— Если Седьмой господин знает об этом, значит, только он один и знает. О чём ты беспокоишься? — Хуа Маньлоу не был сплетником. Слухи, доходившие до него, на нём и заканчивались, тем более такие серьёзные дела.

Сыкун промолчал, только исподтишка поглядывал на Дао У, думая про себя: «Вот тебе и твой неприятный характер!»

Господин Дао У в душе чувствовал себя обиженным. Он просто спросил, пусть и в резкой форме, но это была его привычка. Зачем все начали его осуждать?

— Обычно всех, кроме тех, кто обвиняется в измене или мятеже, освобождают. Значит, Цю Нинфу не был осуждён за эти преступления, и император не хочет его отпускать, но не может найти подходящей причины? — Лу Сяофэн был доволен таким поворотом событий и сам перевёл разговор на дело.

— Этого человека нельзя отпускать, — Дао У достал письмо. — Это его переписка с князем Хань. Видно, что он предан ему. Если его освободить, он обязательно вернётся в Лэань с информацией из столицы.

— Он много знает? — У Хуа Маньлоу был старший брат, занимавший пост при дворе. Хотя он сам не был вовлечён в политику, он не мог не волноваться.

— Он когда-то служил в военном министерстве, — сказал Дао У. Этого было достаточно. Князь Хань был известен своими военными талантами, и можно было понять, насколько важен для него этот человек.

Лу Сяофэн цокал языком. Действительно, головная боль. Семейные дела всегда сложны, а императорские — и вовсе запутанны. Взгляд его упал на лежащую на столе Книгу судеб, и он снова взял её в руки:

— Так эта книга как-то связана с этим делом?

— Если бы я знал, разве стал бы обращаться к тебе? — Господин Дао У, даже прося о помощи, говорил с непоколебимой уверенностью.

Лу Сяофэн с трудом сдерживал желание ударить его, когда за дверью раздался голос Хуа Пина. Прибыли люди из императорского дворца.

— Ну вот, даже чаю горячего не успели попить. Этот император, кажется, очень торопится.

Хуа Маньлоу уже встал и направился к выходу. Лу Сяофэн почувствовал, что в его рукаве что-то появилось. Достав это, он увидел половинку платка с каштанами, ещё тёплыми.

И его нежелание тут же превратилось в радость.

Когда они ушли, Дао У тоже решил вернуться в Управление божественных сыщиков. Сыкун ждал, надеясь, что тот скажет ему хоть слово, но, прождав некоторое время, только стиснул зубы, быстро доел свой обед и побежал следом.

Чэнь Сю восхищался этим проказником. Не его воровскими навыками, а его упорством, которое не знало преград.

Нынешнему императору было всего шестнадцать лет, и он правил всего два года. Молодой монарх, унаследовавший лучшие черты семьи Чжу, был настоящим драконом среди людей, с острым умом, но с некоторой долей эксцентричности.

Это слово «эксцентричность» заслуживает внимания. Талантливые могут быть эксцентричными, и бездарные тоже. Когда человек эксцентричен, только мудрец может понять, есть ли у него способности. Поэтому этот молодой император вёл себя как положено, независимо от его политических достижений. Он был рождён для трона.

В кабинете, одетый в светло-золотой халат, Чжу Гуй сидел за столом, словно погружённый в государственные дела. Если бы не периодически раздававшиеся звуки сверчков, это могло бы тронуть сердца подданных.

Под императорским столом сидел человек, скромно и спокойно, с закрытыми глазами, словно погружённый в размышления. Его облик был прост, без каких-либо признаков величия, словно обычный человек, ничем не выделяющийся. Но в кабинете было только два человека: сам

император, олицетворение власти, и этот человек. Разве обычный человек мог бы так спокойно находиться в одном помещении с монархом?

Оба молчали, только сверчки изредка подавали голос, и то неохотно, словно боясь императорского гнева.

Пока за дверью не появился личный евнух Чжу Гуя, Хао Шичэнь, доложивший о прибытии Лу Сяофэна и Хуа Маньлоу.

— Твой драгоценный брат прибыл, — выпрямившись, произнёс Чжу Гуй. Его лицо, сочетающее в себе юношескую красоту и мужественность, излучало уверенность, свойственную его положению. Он небрежно закрыл коробку со сверчками и бросил взгляд на сидящего человека, произнеся с непонятной интонацией.

Сидящий человек открыл глаза, встал и слегка поклонился, проявляя элегантность и достоинство, почтительность и спокойствие одновременно:

— Ваше Величество, мой младший брат редко бывает во дворце, прошу простить его за возможные неловкости.

Чжу Гуй потянулся:

— Ничего, в тюрьме сейчас просторно, если что, там будет удобно.

Хуа Маньшэ, ничуть не смутившись, улыбнулся:

— Ваше Величество шутите.

Чжу Гуй бросил на него косой взгляд, фыркнул и замолчал, словно ребёнок, не знающий, что ему делать, что вполне соответствовало его возрасту.

<http://bllate.org/book/16229/1458535>